
Ольга Исупова

РОДЫ КАК ЦЕННОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ СУБФЕРТИЛЬНЫХ ЖЕНЩИН О ДОНОРСТВЕ ЯЙЦЕКЛЕТОК И СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Основной задачей статьи является анализ дискурсивных стратегий построения отношений родства со своим ребенком у женщин, которым был поставлен диагноз «бесплодие» (в ситуации биологически различающихся путей решения ими проблемы бездетности). Анализ ведется в рамках конструктивистской парадигмы. Исследование построено на данных форумов «Пробирка.ру» (объединяет русскоязычных пациенток клиник вспомогательных репродуктивных технологий), а также woman.ru. Предметом интереса автора являются социально сконструированное знание о путях преодоления бесплодия и недобровольной бездетности, а также рефлексия пациенток по поводу различных путей такого преодоления. Все это находит отражение в дискурсивных стратегиях пациенток, которые и являются предметом анализа. Исследование показало, что представления женщин, обращающихся к помощи врачей, чтобы иметь детей, дополняют и обогащают высказанные ранее исследователями идеи о фрагментации родства и дисперсном родстве. Их дискурсивные стратегии направлены на то, чтобы представить свое материнство как однозначно биологическое и эссенциальное за счет принижения значимости той его части, которую женщина делегирует медикам. При этом недоступные или отвергнутые части представляются как не-материнство.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия, репродуктивные технологии, фрагментация материнства, биологическое родство, социальное родство

Ольга Генриховна Исупова - PhD, старший научный сотрудник Института Демографии Высшей школы экономики, Москва, Россия. Электронная почта: oisupova@hse.ru

Исследование репродуктивного здоровья ЮНФПА-Росстата (Репродуктивное здоровье... 2013) показало, что бесплодие касается 5–6% россиян. Можно предположить, что есть еще некоторое число людей, не знающих о своем бесплодии, поскольку на момент исследования проблема деторождения для них была не актуальна. В настоящее время тема «новых» отношений родства, создаваемых людьми, использующими ВРТ¹, и именно в контексте социальной политики, связана с тем, что государство использует их в качестве своего рода «запасной разменной монеты». С одной стороны, разрабатывается законодательство о включении ВРТ в перечень услуг по обязательному медицинскому страхованию (Приказ МЗ РФ... 2013). С другой стороны, в перечень не включены ни услуги доноров, ни услуги суррогатных матерей (хотя регулируется порядок их применения), поскольку основной концепцией государства в этой области является стремление облегчить рождение детей у людей, страдающих легкими формами бесплодия. Проблемы остальных решаются только частным образом. Тем интереснее дискурсивные стратегии, разрабатываемые именно этими пациентами, остающимися в ситуации «незарегулированности» государством.

В статье анализируются различные стратегии создания частичного/социального родства с собственными детьми, формирующиеся в непростом взаимодействии с ограничениями, которые налагаются биологической и социальной реальностями.

Статья структурируется следующим образом: сначала описываются теоретические подходы к феномену фрагментации материнства, затем методологические основания изучения виртуальных сообществ и особенности применяемого метода – нетногафии. Затем представляется анализ данных исследования и в заключение делаются выводы о формирующихся в рамках решения проблем бездетности и бесплодия дискурсивных стратегиях построения родства. Под дискурсивными стратегиями понимается деятельность по проблематизации участницами форумов актуальных способов моделирования реальности в речевых практиках, используемых на Интернет-форумах.

Академические исследования фрагментации родительства в связи с появлением ВРТ

Основной темой статьи является фрагментация родства. Большое значение в этой области имели работы Дэвида Шнайдера, который анализировал символы и культурные значения семьи и родственных отношений, а также

¹ Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) основаны на медицинских манипуляциях, позволяющих получить зачатие человека вне организма матери. При этом может использоваться как генетический материал будущих социальных родителей, так и доноров (спермы и/или яйцеклетки); если основной проблемой является отсутствие/несостоятельность матки, вынашивать ребенка может так называемая суррогатная мать.

множественность связанных с ними практик (Schneider 1972). Конструктивистский подход к изучению родства в целом предполагает постоянную выстраиваемость и ситуативность этого понятия создающегося в процессе переговоров участников (Бауман 2002; Бек 2000). В феномене родства объединены «порядок природы» (генетическое, биологическое родство) и «порядок закона» (родство юридическое и социальное (Schneider 1972: 26; Strathern 1992: 17)). Соотношение первого и второго порядков оказалось по-новому актуально в связи с исследованиями социальных последствий репродуктивной медицины, обнаружившими недостаточность подобного разделения. Предметом внимания теперь должны быть множественные различия, которые более релевантно называть фрагментацией¹. Ведь при использовании донорской яйцеклетки и/или суррогатного материнства часть биологической связи матери с ребенком сохраняется, в то время как другая – делегируется. То есть мы имеем дело с частично биологическим материнством, которое при этом в социально сконструированном плане остается полным. Таким образом, создаются новые смыслы биологического, отличающиеся друг от друга. Под влиянием технологий происходит его переопределение (Carsten 2004) и оно перестает быть данностью, одинаковой во все времена. Создаваемые людьми отношения родства конструируются иначе, в процессе эмоционально насыщенных актов применения «творческой энергии» индивидов (Carsten 2004). Иными словами, технологическое становится побудительным импульсом для создания новых смыслов в процессе жизненных практик людей.

Мерилин Стратерн разработала новую концепцию родства при применении ВРТ – дисперсное родство, включающее желающих иметь ребенка (супружескую пару или индивида) и «помощников» в этом процессе (медиков, доноров, суррогатных матерей) (Strathern 1995: 346–363). Еще в 1983 г. Робертом Сноуденом и его коллегами была предложена дробная классификация: «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» (сочетающая все эти функции), «генетический отец», «социальный отец» и «обобщенный отец» (Snowden et al. 1983, цит. по: Stone 2000: 292). Важно отметить, что «кормить» младенца может не сама мать – исторически известно привлечение кормилиц. Женщина в настоящее время может передоверить функции, связанные с «детопроизводством» и младенческим периодом в жизни ребенка, «помощникам», и все равно являться его матерью юридически и социально, поскольку именно она несет ответственность за его жизнь и благополучие.

ВРТ принесли с собой переворот в понимании материнства как такового. Ранее оно считалось чем-то унифицированным и цельным, что обусловливало как концептуальное вознесение женщины-матери на некий

¹ На более высоком уровне обобщения, может быть, даже умножением смыслов или пролиферацией, так как полученные в результате фрагментации сущности вполне могут быть связаны между собой в новую целостность или различные новые целостности.

символический «престол», прославление материнского «подвига», например, Руссо и его последователями (Руссо 1981), так и принижение материнства, свойственное, например, некоторым ученым фрейдистского направления и выраженное многочисленными интерпретациями фразы «анатомия – это судьба».

Элен Рагоне несколько иначе группирует социальные категории, связанные с ВРТ: биологическая мать – донор яйцеклетки; гестационная мать, вынашивающая плод, не имея с ним генетического родства; социальная мать, которая выкармливает и растит ребенка (Ragoné 2000: 343). Проблематизация биологического и социального элементов родства в более поздних работах (Hammons 2008) представлена в соответствии с пониманием того, что это гибкая и нечетко определенная в глазах разных социальных акторов сфера. Материнство перестает восприниматься как эссенциальное также и в связи с распространением лесбийского материнства (Gabb 2001), осмыслению которого помогло развитие квир-исследований.

Существует и ряд русскоязычных работ, посвященных фрагментации материнства в связи с ВРТ (Ткач 2013; Нартова 2008; Исупова 2011). С точки зрения Ольги Ткач, российский культурный контекст приводит к тому, что ВРТ-родство нормализуется путем социального конструирования в «обычное», традиционное родство, многие участники процесса прокреации (доноры, суррогатная мать) замалчиваются. Происходит это во многом в связи с навязываемым на государственно-политическом уровне неоконсерватизмом, который обуславливает желание людей притворяться, даже перед самими собой, «нормальными», «обычными» родителями. Татьяна Щепанская (Щепанская 1999) показывает насколько сильно в традиционном русском понимании материнство было связано с властью и статусом женщины, а также с «нормальным», целостным состоянием мира. Глубинные культурные пласты также оказывают влияние на мировоззрение бесплодных женщин, сформировавшееся в русской культуре, обуславливая их, возможно, более сильное, чем у женщин других культур, желание иметь детей даже в ситуации, когда приходится жертвовать некоторыми «составными частями материнства».

Методика изучения виртуальных сообществ

Интернет-сообщество – или «виртуальное сообщество» (Rheingold 1993) – это социальная сеть индивидов, общающихся между собой посредством специальных технологических средств, главным из которых в настоящее время является Интернет. Часто их объединяет наличие общих целей и задач, которые они пытаются решить с помощью сети. Виртуальные сообщества предполагают четкие границы между «своими» – участниками сообщества и «чужими» – не-участниками. Вовлеченность в подобные объединения имеет амбивалентные последствия для их членов. Здесь, как во всех замкнутых

коллективах, может возникать враждебность к «чужакам» или «сектантство». Митч Парселл (Parsell 2008) подчеркивает свойственную ограниченным сообществам поляризацию установок и взглядов. Позитивной стороной существования таких групп является «empowerment» его членов (эффект обретения ими силы).

Передо мной стояли такие задачи, как реконструкция опыта бесплодных женщин, представленного в материалах форума, а также изучение их представлений о смысле и значении разных форм родительства в ситуации, когда наиболее «легкое», «естественно биологическое» его формирование затруднено или невозможно.

Особенности исследования в Интернете (Kozinets 2002) обусловлены квази-анонимностью виртуального общения, текстуальным характером и бестелесностью коммуникаций. Информация может быть получена почти мгновенно и одновременно из большого числа географически отдаленных мест. Кроме того, границы между публичной и частной сферами в Интернете переопределены. Ситуация, когда человек делится интимными подробностями своей жизни и переживаний «на весь Интернет» не равнозначна ни доверительному устному общению с близкими друзьями, ни открытому выступлению на митинге. В результате мы часто встречаем в сети мысли и мнения, которые никогда не стали бы доступны широкому кругу, если бы Интернета не существовало.

Методы сбора и анализа данных – «нетнография» сайта «Пробирка»

Мои исследования форума на сайте Пробирка представляют собой классическую «нетнографию» (Kozinets 2002). В течение продолжительного времени являлась участницей форума, а впоследствии лично (не виртуально) познакомилась со многими другими его участницами. Это оказалось одновременно причиной и побудительным мотивом для социологического изучения. «Форумчанки» одобрительно отнеслись к факту изучения жизни сообщества, прежде всего именно в связи с моей позицией «инсайдера», создающей определенный уровень доверия, которого не вызывают «посторонние». Я осознаю ограничения, накладываемые на исследование позицией активного участника изучаемого явления. Полностью избавиться от субъективности невозможно, однако, важно, как считают многие авторы, например, Лиз Стэнли (Stanley 1992), на каждом этапе исследования отдавать себе отчет в тех искажениях, которые может вызвать личная позиция и делать на это поправку. Кроме того, инсайдеры, возможно, обладают неким приоритетом в отношении информированности и глубинного понимания процессов, происходящих в исследуемом сегменте социальной реальности.

Данные представленного эмпирического исследования – это материалы дискуссий, происходивших на Интернет-форуме «Пробирка.ру» (*Probirka.ru*)

с 2007 по 2012 г. Это наиболее массовое и длительно существующее (с 2003 г.) Интернет-объединение пациентов ВРТ, общающихся на русском языке. Его участниками являются пациентки, проходящие лечение как в России, так и за ее пределами. Форум был организован пациентами, а в 2008 г. ресурс приобретен бизнес-агентством, но форум до сих пор остается востребованным пространством социального взаимодействия. По состоянию на 30 января 2013 г. (в тот момент, когда автор обращалась к форуму в целях сбора материала) было зарегистрировано 60 524 пользователя¹.

В статье форум рассматривается как коммуникативная среда и пространство производства специфического повседневного знания, касающегося опыта бесплодия. Список избранных дискуссий приведен в приложении. Их выбор обусловлен тем, что они наиболее ярко отражают дискурсивные построения фрагментаций отношений родства.

Основным методом изучения постов был тематический анализ высказываний участниц форума. Темы возникали из контекста высказываний информантов, группировались, из них выбирались центральные в отношении фрагментации материнства, в итоге был получен анализ тем усыновления, суррогатного материнства и донорства яйцеклеток как путей построения родства с ребенком. Выборка высказываний в избранных дискуссиях была сплошной, сначала выделялись все возникающие в «разговорах» темы, касающиеся предмета исследовательского интереса, и группировались соответствующие им высказывания, затем анализировалось, что именно в каждой группе цитат было сказано по каждой теме. Для иллюстрации настоящего текста выбирались наиболее яркие и информативные цитаты.

Избегание родов здоровыми женщинами

Тема избегания родов женщинами, способными родить, последнее время достаточно популярна в Интернете и часто связывается с иногда характерным для беременности снижением внешней привлекательности:

Читаю тут десятки тем о детях ... которые ... сводятся к одному: дети это ужас, потому что «портится фигура»... расписываются ужасы, типо, родил и на завтра стал монстром... Но меня ... заинтересовало... вот что: неужели среднестатистическую русскую женщину волнует только её кожа, и далее по списку? Вы что, сумка или пара обуви, что кроме качества кожи изделия ничего важнее в вас нет?² (Н., woman.ru, 10.05.2012).

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Анализ долговременных тенденций воспроизводства населения России и их социально-экономических последствий», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

² Здесь и далее – орфография и синтаксис оригинала. Троеочия означают сокращения путем удаления длиннот в цитатах.

В подобных топиках на женских форумах анализируется распространенная дискурсивная стратегия, согласно которой в неразрешимое противоречие вступают два традиционных принципа гендерных ожиданий от «настоящей женщины»: «женщина – это мать» и «женщина – это красота». Для данной стратегии характерны следующие постулаты: роды портят женскую привлекательность и если женщина решается родить, она думает прежде всего о том, как потом ее восстановить. В ответ выдвигается не слишком сильный аргумент «роды, это не так уж страшно», а вред от них в контексте красоты можно минимизировать. Обычно главной «бедой» в данной дискурсивной стратегии оказывается беременность, а не роды как таковые, так как для привлекательности противопоказанна именно она.

Таким образом, физическая привлекательность в Интернет-дискурсе о «настоящей женщине» на женских форумах оказывается более социально важной, чем норма обязательного материнства, поскольку наличие детей не освобождает женщину от предписанной «привлекательности». Об изменении «основной» парадигмы женственности с «приоритета материнства» на «приоритет красоты» говорят многие современные исследователи, например, Наоми Вулф (Вулф 1993). Винифрид Меннингхаус пишет о противоречии между красотой и репродуктивной ролью: «Многочисленные эксперименты показали, что те женщины, которых считают наиболее привлекательными внешне, редко расцениваются как потенциально многодетные матери и даже как «хорошие матери»» (Меннингхаус 2009: 182).

Избегание родов у женщин со сниженной фертильностью

Нормативное представление относительно дилеммы между красотой и материнством распространяется и на форумы бесплодных женщин, хотя там оно вступает в противоречие с сильными локальными нормами, согласно которым «все менее важно, чем появление у женщины ребенка» (распространенное на форуме утверждение, часто высказываемое участницами):

Тоже не хочу рожать, не хочу ходить беременной, страшные картинки с родами преследуют с детства... И фигуру не хочу портить, не хочу и все. Понимаю, что на этом форуме говорить такое – безобразие, но для меня это важно. А ребенка – хочу (П., probirka.ru, 24.01. 2012).

Таким образом, даже очень сильное желание иметь детей, дополнительно актуализированное трудностями при достижении цели, сочетается с преследованием других нормативных для женского гендерного идеала целей, в данном случае – «красоты». Большинство участниц беседы ожидаемо осуждают эту точку зрения. Однако интересно само по себе появление подобных высказываний в среде тех, кто стремится к беременности как к главной цели. На мой взгляд, этот дискурсивный факт является одним

из проявлений современной фрагментации гендерных ролей, родительства в целом и материнства в частности, а также говорит о растущих возможностях их реализации в Интернет-пространстве.

Усыновление

Бесплодие не является средством для преодоления противоречия между нормативами «красоты» и «материнства». Возможно построение дискурсивных стратегий для выработки и оправдания весьма разных решений, позволяющих сочетать достижение и той, и другой цели. Например, усыновление дает возможность стать родителем без потерь в отношении «красоты»:

Раньше, начав процедуру усыновления, признаться, я гордилась своим решением... и думала «Они просто не понимают, не жалеют себя [свое тело – О.И.] вот мои 2 попытки и хватит, я нашла выход!»... усыновление – это не роды... Это скорее привыкание к тому, чего никогда не знала, о чем не догадывалась... я хотела ИМЕННО ребенка, не столь мне казалось привлекательным носить, рожать, сколько сам ребенок (Т., probirka.ru, 06.09.2005).

Впрочем, и на этом пути возможны трудности и ловушки, которые участницы выносят на всеобщее обсуждение, надеясь услышать, что существуют легитимные способы их преодоления:

Как усыновившая ребенка хочу сказать девочкам, решающим для себя мучительно проблему, как стать мамой, это – НЕ РЕШЕНИЕ проблемы. Лучше родить самой, через ЭКО, если есть здоровье, через суррогатное материнство, через инсеминации, но САМОЙ... Не читайте душеспитательные истории про счастье приемных родителей, лучше задумайтесь о том, ПОЧЕМУ многие и многие идут после усыновления на ЭКО. Они хотят СВОЕГО. СВОЙ и не СВОЙ – все же разница (Т., probirka.ru, 05.09.2005).

Для участницы характерна стратегия подчеркивания неудовлетворенности усыновлением. Этой стратегии присуще утверждение о невозникновении материнской любви, при том, что ожидалось ее автоматическое появление к «готовому ребенку». Информантка связывает этот факт с отсутствием именно процесса родов и генетической связи с ребенком. И то, и другое в данном случае оказывается равнозначным, поскольку у женщины нет возможности проверить, что важнее лично для нее. Даже если она и решится на второго ребенка, зачатого самостоятельно, это только косвенно поможет понять ее чувства к усыновленному ребенку.

Высказывается в той же дискуссии (в ответ Т.) и другая дискурсивная позиция, согласно которой усыновление происходит ради ребенка, а не ради потенциальной матери. Оно помогает ей «самовыразиться» в любви, а не решить биологические проблемы. Любить, по мнению информанток, можно детей, появившихся любыми путями:

Моей любви хватит на всех. Здесь нет противоречия – я пойду на ЭКО вовсе не потому, что я разочаровалась в усыновлении. Я просто хочу родить, хочу почувствовать это состояние, хочу продолжить себя (Д., probirka.ru, 09.09.2005).

Мы видим пример дискурсивного разделения материнства на части (любовь отдельно, продолжение себя – отдельно, хотя оно и не противоречит любви). Однако присутствует и проявление локальной гендерной нормы самовыражения «настоящей» женщины в любви и заботе о других, по сравнению с которой более «эгоистическое» стремление к продолжению рода – вторично. Данная дискурсивная стратегия подчеркивает «неестественность» усыновления, поскольку в нем отсутствуют биологические элементы родительства – беременность, роды, «узнавание себя в ребенке», грудное вскармливание. В результате автор высказываний подводит к тому, что другие варианты появления ребенка у женщины (доступные при бесплодии) более привлекательны именно из-за сохранения хотя бы некоторых биологических (и поэтому «естественных») элементов. Именно с отсутствием «естественных» элементов связывается отсутствие материнской любви.

«Адаптация к ситуации» при отсутствии априорных предпочтений

Я когда приняла решение, что хочу усыновить, то мне сразу расхотелось [рожать – О.И.], может, когда не пробовал, что это такое, тогда и легче от этого отказаться??? Я ни разу не была Б [беременной], не знаю, что это такое, а потому и не хочется, особенно, когда под боком уже сопит сынок (М.– N., 24.01. 2012).

Не все говорят об усыновлении трагически, как Т., у многих, как можно видеть из предыдущей цитаты, декларируемая адаптивность к ситуации оказывается настолько высокой, что принятое решение о пути обретения ребенка определяет последующую дискурсивную стратегию. Главным элементом становится именно свершившийся факт, в этом случае – «ребенок, который сопит под боком». И это главное может даже воинственно противопоставляться другим элементам, например, генам:

А эти темы про гены я вообще не понимаю. Бабушкины глазки, папины ушки – я знаю, что есть бескорыстная материнская любовь, счастливые глаза мужа – наконец есть о ком заботится, кроме кошки. Это мой выбор (Ммс., probirka.ru, 19.12.2007).

Здесь происходит отчетливое деление обретения материнства на части, целое объявляется слишком сложным и биологически недостижимым. При чем выбор «репродуктивной опции», с точки зрения «адаптивной» дискурсивной стратегии в ее развитом виде – это еще и иллюзия. На самом деле, выбирать нельзя, утверждается – надо принимать реальность и то, что она дает:

Вы сравниваете яблоки с помидорами. Это разные вещи и показания у всех разные. У кого-то только к Д [онорской] Я [йцеклетке] ... Они и сами могут выносить... У кого-то, наоборот, своих клеток мульен... – а нет, скажем, матки (М.– Л., probirka.ru, 18.12. 2007).

Еще одна дискурсивная стратегия (предпочтения беременности – генам, то есть донорской яйцеклетки – суррогатному материнству) также довольно авторитетна. Для ее выбора существует много аргументов: и личные предпочтения процесса беременности и родов – продолжению собственного рода, декларируемые женщинами; и подчеркиваемая социальная обусловленность таких предпочтений: «д [онорская] Я [йцеклетка] – это мой выбор. Я не заиклена на [готовом – ОИ] ребенке... Главное, родить. Я все-таки еще сделаю попытку» (Ммс., probirka.ru, 18.12. 2007).

Роды в аутсорсинг или суррогатное материнство

Стратегия дискурсивной адаптации к использованию суррогатного материнства связана с уподоблением этого процесса найму кормилицы (и, вообще, неквалифицированному наемному труду) или использованию техники:

Ты денежку в автомат кидаешь, чтобы колу купить. Кола твоя или автомата? Ты в принципе умеешь печь торты, но если праздник, а тебе – лень, нездоровится или нет времени, то идем и покупаем от того, для кого это – работа. А С [уррогатное] М [атеринство] – это тоже сервис, только ультрасовременный. А он [ребенок – ОИ] будет кровинка ТВОЯ, и всю жизнь (Е. в. М., probirka.ru, 16.12.2006).

Для выбравших эту стратегию характерно дискурсивное преувеличение генетического фактора, который изначально, возможно, воспринимался на равных с остальными (беременностью, родами, воспитанием ребенка) при преуменьшении факторов социальных – негативной реакции окружения, собственных нормативных представлений о значимости беременности и родов как «репродуктивной функции», определяющей женскую идентичность: «и вообще, женщина определяется только лишь реализацией репродуктивных функций??» (Я., probirka.ru, 17.12.2006).

Однако для кого-то все наоборот, и человек выстраивает противоположную дискурсивную стратегию, предполагающую осуждение и неприятие суррогатного материнства: «морально тяжело, чувство несостоятельности и так заикаливает, а еще видя, как твоего ребенка носит другая женщина» (ммс, probirka.ru, 17.12.2007).

Наблюдаемые дискурсивные стратегии демонстрируют, что именно беременность и роды, а не генетическая связь чаще всего лежат в основе нормативно предписываемого материнства (у них на форуме гораздо больше сторонниц, чем у стратегии «генов»), и именно невозможность беременности приводит многих к ощущению своего несоответствия норме женственности.

Разделение на части

Из составных частей сознательно выделяется «главное», которое может быть очень разным. Это может быть ребенок как таковой, могут символически выделяться гены, или беременность и роды. Поскольку все же обобщающее «главное» – это ребенок, отвергаемую часть при необходимости можно дискурсивно «подвести» под понятие «свой» (а стремление иметь «свое» в дальнейшем может быть объявлено «эгоизмом»):

Базовая ценность, мне кажется, у всех одна – СВОЙ ребенок, генетически. Но именно личное местоимение «свой» наиболее легко трансформируемо, и базовой ценностью остается именно ребенок (Я., probirka.ru, 20.12. 2007).

Разделяя материнство на части, можно выбрать либо решение задачи генетического материнства, либо гестационного, или только социального, как, например, при усыновлении.

Бытующие у женщин, практикующих фрагментированное материнство представления, на мой взгляд, дополняют и обогащают высказанные исследователями (Сноуден 1983; Стратерн 1995) взгляды на фрагментацию родства и дисперсное родство. Рассмотрение различных вариантов «частичного» материнства в ситуации выбора и/или адаптации к поведению, которое воспринимается, как вынужденное, показывает, как именно формируются новые дискурсивные смыслы в области материнства как родственного отношения женщины с ребенком. Это в каком-то смысле подтверждает идеи Шнейдера (1972) и Карстен (2004) о той огромной роли, которую в отношениях родства играет социальное конструирование. С другой стороны, в данном случае оно направлено на то, чтобы «починить» «поломанное» биологическое родство, и представить обществу и самой себе свой случай как эссенциальное материнство, такое, каким его видел Руссо. Это происходит за счет принижения значимости той части «работы по детопроизводству», которую женщине приходится (или хочется) делегировать, а также представления этой части именно как работы. В то время как «настоящее» материнство остается уделом той женщины, которая ребенка растит. Недоступные или отвергнутые части опыта представляются как «не-материнство», в целях защиты и укрепления эссенциальности оставшегося.

Заключение

Роды как составная часть процесса обретения ребенка становятся во все большей степени предметом сознательного выбора и решения, а не спонтанным «естественным» событием. Это касается и репродуктивно здоровых женщин, и субфертильных. При этом именно дискурс, создаваемый

бесплодными женщинами в своем сообществе в Интернет-пространстве, поскольку они вынуждены адаптироваться к своим биологически разнообразным состояниям¹, демонстрирует социально обусловленные смыслы как избегания родов, так и, в большей степени, стремления к ним.

Анализ дискуссий на форумах позволил выделить следующие дискурсивные стратегии целенаправленной или спонтанной фрагментации материнства:

- Стратегия решения только проблемы бездетности путем усыновления; отделение социального материнства от биологического. Дискурсивное отсутствие в ситуации биологического аспекта «дето-производства» во многих случаях замалчивается, оспаривается и переосмысливается.
- Стратегия, при которой декларируется важность преодоления именно бесплодия, как недуга. В данном случае фрагментация материнства усиливается, актуализируются различные его составные части, в зависимости как от биологического опыта женщин, их «диагноза», так и от их социально сформированных предпочтений и представлений о том, какая часть материнства важнее для нормативной женской идентичности. Наиболее распространенный вариант этой стратегии – декларируемое предпочтение беременности и родов, как центрального процесса для формирования женской идентичности, при преуменьшении значения генетической связи с ребенком. Вариант, связанный с властным дискурсом в отношениях между женщинами, обосновывает важность именно генетической связи с ребенком, и тогда предпочтение отдается суррогатному материнству при обязательном использовании собственной яйцеклетки. Третий вариант подчеркивает адаптивность формирования дискурсивных стратегий в связи с диагнозом и рекомендациями врачей.

Роды по-прежнему важны для женской идентичности, избегание родов может быть связано с нормативной предписанностью «красоты», противоречащей репродукции. При актуализации желания родительства, биологическая его составляющая декларируется как крайне важная, наряду с социальной составляющей. Женщины, имеющие репродуктивные проблемы, предпочитают сохранить хотя бы некоторые биологически связывающие их с детьми элементы. В результате все более упрочивается разделение некогда единого концепта материнства на части, каждая из которых также имеет отдельно сконструированный смысл. Как части, так и целое

¹ Поскольку бесплодие не едино, к нему приводят разные заболевания, преодолевать которые приходится тоже по-разному – например, практически диаметрально противоположны состояния, при которых у женщины «не работает» матка – и те, в случае которых у нее нет жизнеспособных яйцеклеток; хотя, встречаются промежуточные или комбинированные состояния.

все больше отдаляются от эссенциалистского понимания материнства как единого, неделимого и крайне сложного процесса, достойного того, чтобы наполнить собой всю жизнь женщины.

Список источников

Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2002.

Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Вулф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин // *Иностранная литература*. 1993. (3): 281–289.

Исупова О. Г. Модернизация женских мотиваций к рождению детей: деконструкция материнства? // *Демоскоп Weekly*. 2011. (453–454).

Меннингхаус В. Цена красоты: польза и вред от ее обожания // *Логос*. 2009. 4–5 (72): 177–185.

Нартова Н. «Кто кому мать?» Проблематизация суррогатного материнства в дискурсе СМИ // З.Х Саралиева (ред.) *Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития*. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008: 146–148.

Приказ МЗ РФ № 107н от 12 февраля 2013 года «Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению». *Российская газета* // <http://www.rg.ru/2013/04/11/eko-dok.html> (дата обращения: 16.08.2014).

Репродуктивное здоровье населения России 2011, итоговый отчет, Росстат, Минздрав РФ, ЮНФПА, Информационно-издательский центр «Статистика России», Москва, 2013.

Руссо Ж.–Ж.. *Педагогические сочинения*. В двух томах. Т. 1. М: Педагогика, 1981.

Ткач О. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. 11 (1): 50–68.

Щепанская Т. Б. Миф материнства и техники управления. (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) // Астарта. Вып.2. *Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ*. СПб., 1999: 126–158.

Carsten J. *After Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Gabb J. Desirous Subjects and Parental Identities: Constructing a Radical Discourse on (Lesbian) Family Sexuality // *Sexualities*. 2001. (4): 333

Hammons S. A. Assisted Reproductive Technologies: Changing Conceptions of Motherhood? // *Affilia*. 2008. (23): 270–280

Kozinets R. V. The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities // *Journal of Marketing Research*. 2002. (39): 61–72.

Parsell M. Pernicious Virtual Communities: Identity, Polarisation and the Web 2.0 // *Ethics and Information Technology*. 2008. 10 (1): 41–56.

Ragoné H. Of Likeness and Difference. How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy // H. Ragoné and F. Twine (eds.) *Ideologies and Technologies of Motherhood. Race, Class, Sexuality, Nationalism*. New York, London: Routledge, 2000: 56–75.

- Rheingold H. *The Virtual Community*. Menlo Park, CA: Addison-Wesley Publishers, 1993.
- Schneider D. What Is Kinship All About? // P. Reining (ed.) *Kinship Studies in the Morgan Centennial Year*. Washington: Society of Anthropology, 1972: 32–63.
- Snowden R., Mitchell G.D., Snowden E. *Artificial Reproduction*. London: Allen and Unwin, 1983.
- Stanley L. Is There a Lesbian Epistemology // *Feminist praxis*. (34). Sociology Department. Manchester University, 1992.
- Stone L. *Kinship and Gender*. An Introduction. Boulder, Colorado and Oxford: Westview Press, 2000.
- Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // G. Faye and R. Rapp (eds.) *Conceiving the New World Order*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1995: 346–363.
- Strathern M. *Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies*. New York: Routledge, 1992.

BIRTHS AS A VALUE IN THE INTERNET DISCOURSE OF SUBFERTILE WOMEN DISCUSSING EGG DONATION AND SURROGATE MOTHERHOOD

Olga Isupova

The main goal of this article is to provide an analysis of discursive strategies used in the construction of the kinship between a woman and her child in the case of those diagnosed as "infertile" and their response to the variety of biologically different ways of solution of solutions to the problem of childlessness. The research is based on data from the internet forum Probirka.ru, which brings together Russian-speaking female patients of reproductive clinics, as well as the site woman.ru. The author reveals the socially constructed nature of knowledge on the ways of overcoming infertility and acquiring a child, as well as patients' opinions on these methods. The research has demonstrated that common conceptions, created by patients of reproductive clinics, may help to improve and enrich understanding of the fragmentation of kinship and the nature of dispersed kinship, as developed by the researchers in this field. The discursive strategies of these women are aimed at representing their motherhood as, biological and essential, often through the negation of the significance of those elements of creating their child which were delegated from the mother to a third party.

Key words: discursive strategy, reproductive technologies, fragmentation of motherhood, biological kinship, social kinship

REFERENCES

- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [*The Individualized Society*]. Moscow: Logos.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [*Risk Society: Towards a New Modernity*]. Moscow: Progress-traditsiya.
- Carsten J. (2004) *After Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Decree of Ministry of Healthcare of Russian Federation № 107N, 12 February 2013 "The Order of Reproductive Technologies Implementation, Contra-Indications and Restrictions of Their Usage".
- Gabb J. (2001) Desirous Subjects and Parental Identities: Constructing a Radical Discourse on (Lesbian) Family Sexuality. *Sexualities* 4: 333.
- Hammons S. A. (2008) Assisted Reproductive Technologies: Changing Conceptions of Motherhood? *Affilia* 23: 270.
- Isupova O. (2011) Modernizatsiya zhenskikh motivatsiy k rozhdeniyu detey: dekonstruktsiya materinstva? [Modernization of Women Childbirth Motivations: Deconstruction of Motherhood?]. *Demoscope Weekly*: 453–454.

Olga G. Isupova – PhD in sociology, senior researcher at Institute of demography, High School of Economics (Moscow), Russian Federation. E-mail: oisupova@hse.ru

- Menninghaus V. (2009) Tsena krasoty: pol'za i vred ot ee obozhaniya [The Price of Beauty and Harm Caused by its Adoration]. *Logos* 4–5 (72): 177–185.
- Nartova N. (2008) "Kto komu mat'?" Problematizatsiya surrogatnogo materinstva v diskurse SMI ["Who is the Mother?" Problematization of Surrogate Maternity in Media Discourse]. Saralieva Z. (ed.) *Sem'ya i semeynye otnosheniya: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Family and Family Relations: Contemporary Situation and Development Tendencies]. Nyzhnyi Novgorod: Izdatelstvo NISOTS: 146–148.
- Kozinets R. V. (2002) The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities. *Journal of Marketing Research* (39): 61–72.
- Parsell M. (2008) Pernicious Virtual Communities: Identity, Polarisation and the Web 2.0. *Ethics and Information Technology* 10 (1): 41–56.
- Ragoné H. (2000) Of Likeness and Difference. How Race Is Being Transfigured by Gestational Surrogacy. H. Ragoné and F. Twine (eds.) *Ideologies and Technologies of Motherhood. Race, Class, Sexuality, Nationalism*. New York, London: Routledge: 56–75.
- Reproduktivnoe zdorov'e naseleniya Rossii 2011, itogovyj otchet [Reproductive Health of Population of Russia, 2011. Summarized Report] (2013) Rosstat, Ministry of Healthcare of Russian Federation, Moscow: "Russian statistics" Press.
- Rheingold H. (1993) *The Virtual Community*. Menlo Park, CA: Addison-Wesley Publishers.
- Rousseau J.–J. (1981) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Vol 1. Moscow: Pedagogika.
- Shchepanskaya T. (1999) Mif materinstva i tekhniki upravleniya. (zhenskie simvoly i tekhniki vlasti v russkoy etnicheskoy traditsii) [The Maternity Myth and Techniques of Control (Women Symbols and Techniques of Power in Russian Ethnic Tradition)]. *Astarta* 2: 126–158.
- Schneider D. (1972) What Is Kinship All About? P. Reining (ed) *Kinship Studies in the Morgan Centennial Year*. Washington: Society of Anthropology: 32–63.
- Snowden R., Mitchell G. D., Snowden, E. (1983) *Artificial Reproduction*. London: Allen and Unwin.
- Stanley L. (1991) Is There a Lesbian Epistemology. *Feminist Praxis* 34. Sociology Department, Manchester University.
- Stone L. (2000) *Kinship and Gender. An Introduction*. Boulder, Colorado and Oxford: Westview Press.
- Strathern M. (1995) Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship. G. Faye and R. Rapp (eds.) *Conceiving the New World Order*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press: 346–363.
- Strathern M. (1992) *Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies*. New York: Routledge.
- Tkach O. (2013) "Napolovinu rodnye?" Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh ["Half-Akin?" Problematization of Parenthood and Family in Newspaper Publications on Reproductive Technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies] 11 (1): 50–68.
- Wolf N. (1993) Mif o krasote. Kak predstavleniya o krasote ispol'zuyutsya protiv zhen-shchin [The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature] 3: 281–289.